

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

УДК 17.018.1

П. Курхинен

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД В СОВЕТСКОЙ ЭТИКЕ И ЕЕ АНАЛИЗ ЗАПАДНЫМИ ФИЛОСОФАМИ

Определяется, что такое функциональный подход в изучении морали и почему он был важен и актуален как для советских этических мыслителей, так и для некоторых представителей западной философии прошлого века. Изменения советской этики с 60-х привели к тому, что не «классовый интерес» стал играть существенную роль, а индивидуальная мораль привела к изменениям в советском обществе и философии.

Ключевые слова: функциональный подход, социальная практика и нравственное воспитание, прескриптивизм.

I. Функциональный подход и сущность морали

Мы попытаемся в общих чертах описать, какие цели имела советская философия и этика, в частности, и какой критике она подвергалась. Ключевой фигурой у нас является яркий представитель советской философии 60-х гг. прошлого столетия О.Г. Дробницкий, к сожалению, рано ушедший из жизни.

Олег Григорьевич Дробницкий интересен, на наш взгляд, тем, что он через анализ метаэтических западных теорий этики приходит к пониманию того, что мы не можем прийти к некоторому конечному определению морали, а если всё-таки придем и определим, то это уже будет догматизм – «мы лишь можем продолжать заниматься анализом морали», и этика может заниматься тавтологией, т.е. определять саму себя посредством других понятий морали, а чтобы искать её истоки извне, нужно создать некую теорию для нахождения и определения этих источников в истории, т.е. нужна определенная наука, изучающая мораль отдельно от истории, политологии и тем более от естественных наук [1].

Иными словами, Дробницкий и другие представители советской этики подсознательно ушли от марксистско-ленинского понимания морали как некоего «учения» о поведении к ее изучению и теоретизированию, отделили обыденное ее понимание от нейтрального научного познания, отделили понятие морали от этики.

Очень важным моментом является то, что человек в марксистской философии отделялся от природы и зачастую ей даже противопоставлялся. Советская этика в некотором смысле пыталась создать некую искусственную *над-природную* этику, хотя и это весьма спорный вопрос.

К примеру, «в раскрытии понятия морали Б. Герт идет путем, от которого предостерегал Дробницкий, указывая на опасность тавтологии в случае, если мораль определяется через моральные же понятия и феномены моральной жизни. Но дело не только в этом. Определяя мораль через указание на моральные правила, Герт не задается вопросом, что делает эти правила моральными, замечает Апресян, т.е. Дробницкий переходит к изучению самой *сущности* морали, и поэтому он идет к истокам возникновения моральных предпосылок путём изучения развития понятия морали в определенные периоды исторического времени [2. С. 20].

Именно Дробницкий с группой советских этиков переходит к теоретизированию, чётко разделяя мораль и этику как науку (надо отметить, этика в 60-е гг. начала становиться самостоятельной наукой в СССР). В отечественной литературе эта концепция функционального подхода была последовательно и теоретически обоснованно представлена О.Г. Дробницким. В его работах, к сожалению, критерий морали относится больше к тому, как *функционирует* мораль, нежели к тому, что она есть по своему содержанию, что немаловажно в теоретической этике, хотя сам Дробницкий неоднократно ставил вопрос о содержательно-теоретическом определении морали. Как он понимал такое определение? Во-первых, теоретик должен отказаться от определения морали через ее соотнесение с такими известными моральными понятиями, как «долг», «добро», «совесть», «моральный принцип», от обращения к «самодостоверностям» «первичных данных» обиходного опыта; сам этот опыт предстоит ещё понять на основе научно понятой морали. Во-вторых, теоретическое понятие морали должно быть выведено из теории же, из специализированного познавательного опыта [социальной] науки. В качестве такового для Дробницкого выступили результаты метаэтических исследований (главным образом, западных философов морали), на основе которых он пришел к выводу, что: а) родовым по отношению к морали является способ нормативной регуляции; б) эта регуляция включает особые формы предписаний и санкций; особую форму сознания; характерные (предписывающие и др.) универсализуемые суждения, которые в своей ценностно-оценочной форме отличны от пруденциальных суждений. Но это – чисто формальные определения морали. Поэтому, в-третьих, от них надо перейти к содержательно-теоретическому изучению природы морали, т.е. к изучению её в контексте общественных отношений и закономерностей; теоретическое выведение, концептуальное объяснение и обоснование морали должны быть дополнены гуманитарным воззрением на человека [2]. Под гуманитарным пониманием Дробницкий подсознательно понимал человека как цель саму по себе, а именно кантовский императив. Он переходит к изучению того, как развивалась и функционировала мораль в историко-философской перспективе, где главное – нравственный праксис и создание нравственного, этического концепта.

II. Прескриптивность и воспитательная функция

Иными словами, содержательность в определении морали привносит принцип историзма, позволяющий конкретизировать абстрактные формальные констатации относительно морали на широком культурно-историческом

материале. Р. Хэар (R. Hare), на которого Дробницкий опирался в данном вопросе, характеризовал моральные суждения как прескриптивные, универсализуемые и приоритетные, или доминирующие (*overriding*) [3. С.131–133].

Представителями одних из главных направлений в марксистской этике, которые писали о нравственном поведении и в некотором смысле вначале отрицали этику как науку о морали, *присущую* буржуазному обществу, являются такие первопроходцы именно советской этики, как Г.Д. Бандзеладзе, Я.И. Мильнер-Иринин, В.П. Тугаринов и др., пытались вывести из Марксовой социальной теории этические построения, зачастую неудачно смешивая с другими не марксистскими направлениями, тем *als ob* отдаляясь от «истинного» Маркса. Надо заметить, что *социальная практика* играла важнейшую роль в советском философском мышлении, поэтому многочисленные этические теории были скорее не дескриптивными или описательными, а **прескриптивными** или предписывающими.

С середины 70-х гг. приоритеты смещаются в сторону морально-практических и этико-прикладных исследований. Определяющим фактором явилась здесь идея «активной жизненной позиции личности», выдвинутая на XXV съезде КПСС (1976 г.), породившая поток комментирующей литературы и ставшая предметом обсуждения на многочисленных конференциях. Этот идеологический «заказ» в значительной степени определил характер соединения **теории и практики**, соотношения эмпирического и метаэтического дискурсов в этике конца 70-х – первой половине 80-х гг.

Дробницкий, в свою очередь, не определял, что такое мораль, а, скорее, пытался соединить телеологическую и универсалистическую философию, то есть смешивать Гегеля и Канта вместе с Марксовой теорией и экзистенциализмом. По Гегелю, конечно же, есть некая **цель** для развития человечества, в каждый отрезок времени, в котором функционируют определенные универсальные законы. Конечно, в некотором смысле философия Дробницкого тем и отличается, что он пытается, на наш взгляд, найти некие параметры развития общества, дать ему новые ориентиры. Его философию можно назвать **пропедевтической**, а также функциональной философией, которая пыталась определить сущность человека и показать, что нравственный закон Канта в принципе не противоречит и гегелевской теории развития и законам диалектики в частности. Сложно, правда, сказать, была ли его теория чисто марксистской или же в качестве первопосылок он брал идеи из философии Гегеля.

Поэтому советским философам нужно было как-то оправдать свою философию и с помощью, так сказать, *функционального* подхода, философия исследуемого нами автора была схожа в некотором роде с прескриптивной аналитикой Ричарда М. Хэара, который говорил, что наши суждения имеют предписательный характер. Мы не будем вдаваться в философию Хэара и в его универсальный прекрептивизм, кажется, что его идеи чем-то сходны и с идеями Дробницкого. Оба, к сожалению, были обвинены в этическом натуализме, обоснованным некогда Дж. Мурром, но это уже отдельная тема.

В этом смысле у Дробницкого история предписывала развитие человека в определенном русле, она определяла развитие по неким универсальным уставам, и индивидам надо было «помочь» для достижения понимания того, как «вести себя», и в принципе партия как некий авторитет

могла дать эти некие установки индивиду, конечно, это тоже *гетерономная* мораль, но всё-таки в контексте царившего тогда диамата, его философия была весьма реакционной.

Конечно, и философия Дробницкого немного и идеология, но жить без этого было в то время невозможно. Советские философы, и Дробницкий в частности, пытались изучать как социологию, так историю и философию, выделяя некий свой элемент именно для *научного* обоснования морали. Именно в советской этике подчеркивалась важность *практики*, т.е. социальность была выделена именно как то, что присуще только человеку, и поэтому в некотором смысле человек противопоставлялся природе, которую, исходя из Маркса и его концепции, человек должен освоить и тем самым перейти как бы на другой уровень, чисто «надчеловеческий», «искусственный». В этом смысле некоторой ошибкой было как раз то, что человеческая, а вернее социальная, «искусственная мораль» в советское время превалировала «над природной», из человека, по сути дела, могли слепить что угодно, по крайней мере в теории.

По сути, человек был высокоразвитой материей, и он фактически противопоставлялся природе. Из всех якобы могли сделать инженеров, врачей, спортсменов, т.е. воспитание как социальная *функция* превалировала над всем, и контроль неких авторитетов над управлением поведением личности был общепринят.

Постепенно (всё же философы не догматики, в том числе и Дробницкий) начали «съезжать с рельсов официальной этической доктрины», они стали искать или возвращаться либо к кантовской философии долженствования, либо к феноменологическим концепциям, экзистенциализму. Все это, конечно, из-за того, что настоящие философы не могли позволить себе принимать некие советские доктрины *als ob* неизменное сущее и должное, принимать на веру «указы партии» им не позволяла их мораль, экзистенциальная сущность. И это не всегда эклектика, зачастую новые науки и рождаются на стыке разных научно-философских направлений. Советская этика была скорее направлена на изменение, хотя бы в теории социальной, действительности и не занималась разбором моральных высказываний, в такой мере, как это делала аналитическая школа, всё же советскую философию полной эклектикой назвать нельзя.

В некотором смысле Дробницкий изучает функцию морали для того, чтобы создать некую конструкцию и понять, как в разные этапы истории, вернее *классовой* истории, преобладала та или иная модель поведения, что у них было общего, что можно использовать для понимания и того, как мы можем «убедить отдельных индивидов двигаться к общей цели в историческом развитии». Дробницкий проводит генеалогию морали разных классовых типов на разных историко-философских стадиях развития.

Хотя советские попытки написания этики, к сожалению, в настоящее время не имеют должного внимания, они «ушли в небытие» с огромным наследием советского прошлого, но ни мы, ни страна не может полностью адаптироваться к сегодняшним ценностям, если нет моста между прошлым и настоящим, то нет и будущего, возможно, нужен здоровый консерватизм.

Однако нормативная философия Дробницкого и другие попытки советских философов могли бы послужить для науки и сейчас, как некая воспита-

тельная функция для практической философии. Ещё Аристотель замечал: сколько бы мы ни созерцали и ни изучали философию, одна из её главных функций является пропедевтическая, и терапевтическая, когда целью философии является излечение того общества, в котором мы живем, иначе вся философия бесполезна. Всеобщая польза, благо было одной из главных целей советского общества, и философия «должна» была пропагандировать то, что индивидуальная экзистенциальная составляющая не является важной. Дробницкий не противопоставляет общество и индивида — они дополняют друг друга.

Возвращаясь к кантовским принципам категорического императива, он не противопоставлял его гегелевскому историзму, и главным для него было, чтобы эта конструкция работала, *функционировала*. Он хотел, чтобы индивиды осознали, что «авторитет» сверху, партия и т.д. желают блага, иногда «принуждая» некоторых «недопонимающих» своего блага индивидов к участию в жизни общества. «Ведь только социальные отношения делают человека тем, что он есть». Конечно, здесь есть своя доля *этического натурализма*, предзаданности. Дробницкий возвращается к единичности и экзистенции, к тому, что в конечном счёте моральный выбор остается за *индивидом*, и ни власть, ни коммунистический кодекс не в состоянии принудить человека сделать его моральный выбор в каждом отдельном случае, в этом состоит некий экзистенциальный выбор каждого индивида, замечает он в своих многочисленных статьях и книгах.

В самом деле, как быть с антитезой должного и сущего, если логика материалистического взгляда на общество требует должное выводить из сущего? Как объяснить универсальность моральных форм, если логика классового подхода к общественным противоречиям требует видеть в любой разновидности всеобщности проявление иллюзии обыденного, а то и самого классового сознания? Как совместить автономию морали с приматом материальных, т.е. экономических, отношений? Наконец, как объяснить свободу человека наряду с его статусно-функциональной определенностью как социального индивида?

Концептуально разработал эту проблему Кант, что выразилось в его тезисе о том, что *сущность морали* состоит не в содержании, не в материи поступка, т.е. не в том, что, собственно, человек совершает и к каким целям стремится, а в том, как, какой нормой поступок управляется, т.е. в его *форме*. В этическом ракурсе этот вопрос специально и по различным поводам рассматривал О.Г. Дробницкий [4].

«При *функциональном подходе* не представляется возможным теоретически прояснить ценностно-императивную предметность морали, критерий моральности. Правда, в концепции советской этики, в той ее части, которая всё-таки была связана с рассмотрением содержательных проблем, теоретический вопрос о критерии морали был подменён идеологическим вопросом о критерии коммунистической нравственности, морали, авторов которых интересовало в первую очередь то, как мораль функционирует, каждая по-своему содержала критерий морали. Так, в рамках понимания морали как способа социальной регуляции поведения, к морали относились поступки, отношения, суждения, в которых человек выступал как свободный агент или которые предполагали свободу человека. Эта интегральная характеристика морали конкретизировалась в связи со ста-

тусом морали, особенностью присущих ей требований и санкций, сферой их действий и т.д.», — замечает Апресян в своей книге «Идея морали» [1].

По родовидовой спецификации данное определение морали содержательно. Однако это — содержание, внешнее по отношению к самой морали. Переход от абстрактных определений к конкретным, или, как сам Дробницкий рассматривал эту процедуру, переход от формальных определений к содержательно-теоретическим, фактически выразился в уточнении первоначальных родовых характеристик путём прояснения видовых признаков морали. Учитывая уровень отечественной этической мысли рубежа 60–70-х гг., можно сказать, что работа «Понятие морали» была выполнена мастерски, если не виртуозно, и как таковая ещё долго будет представлять несомненный интерес. Но при таком подходе действительное ценностно-императивное содержание морали осталось за рамками исследования.

Характерно, что Хзар, как и многие другие аналитические моральные философы, предпринял решительные шаги по обогащению кантианства утилитарианством (посредством введения в анализ моральных суждений идеи предпочтения-(*preference*)); аналогичным образом Дробницкий попытался ввести позитивные результаты кантовского анализа морали в контекст марксистской социальной философии. Однако установка на исследование способов существования и действия морали, при всей важности полученных теоретических результатов в понимании механизма морали, не позволила дать ответ на вопрос, *какие потребности лежат в основе морали и на что именно (а не только как) она ориентирует человека*. Сам утилитаризм был присущ и советской философии, в этом смысле идеи Дробницкого и Хзара, имеющие разные философские основания, всё же сходятся в одном, так сказать, моменте — совмещении утилитаризма и кантианства.

Обсуждая проблему всеобщности моральных форм, О.Г. Дробницкий попытался синтезировать кантианскую морально-философскую традицию универсального обоснования морали с марксистской социально-философской и философско-политической теорией о классовом содержании коренных социальных противоречий, чему посвятил отдельный параграф своего главного труда. Предложенные им умозаключения состояли в том, что принципы и требования классовой морали формулируются как универсальные законы и благодаря этому мораль господствующего класса навязывается обществу не силой принуждения, а *убеждением*, обращением к сознанию и совести людей [1. С. 306–313].

Предпринятый О.Г. Дробницким синтез существенно ослабил, по крайней мере на уровне теории, тезис о **классовом** характере морали и поместил этот тезис в определенный этико-философский контекст, т.е. он создал особый концепт понятия морали, не вдаваясь, однако, в её содержательную составляющую.

III. Анализ советской этики некоторыми западными философами

Тимо Айраксинен, известный финский «представитель аналитической философии», пишет: «Мне видится, что произведение Дробницкого является одним из ярких образцов советского марксизма. Писатель начинает с критики логического эмпиризма 1930-х годов. Он всё же даёт представление, вводящее в заблуждение, что этика позитивизма каким-то образом соответствовала времени на-

писания книги "Понятие морали" (опубликована в СССР в 1974, в Финляндии – в 1980) как описание теперешнего состояния моральной философии).

Более важной частью у Дробницкого, в сравнении с его критикой, можно считать его собственную попытку начертания уничтожения закона Юма. Дробницкий пишет: «Нравственность в целостности является общественным институтом, который выполняет некоторые функции. Исходя из этой точки зрения, у нравственной деятельности, взятой в историческом масштабе, имеется социально-практическое назначение, и она не может восприниматься отдельно от неё. Это, однако, не означает, что у каждого отдельного поступка имеется моральная ценность, исходя из того, к каким практическим целям она привело в определенных условиях» [5. С. 125–126].

Мораль – это сбор регуляций, которые управляют функциями общества и предопределены исторически, авторитет которых и обязательность следуют именно из исторических предпосылок морали. Мораль в некотором смысле, и всё-таки не в логическом, неизбежна, и поэтому к требованиям морали нужно приспосабливаться. История и каждая историческая формация общества определяют мораль и требования, присущие ей. Поэтому ценность поступков отдельных людей характеризует, с одной стороны, общественное значение поступков, а с другой – польза и «результативность». Польза может определяться как на основе человеческого биофактора, так и на основе договорного уважения.

Мораль многослойна. В ней различаются уровни субъективности, строительства нового общества и исторической законности. Средний уровень сильно подчеркнут в официальной доктрине марксистско-ленинской идеологии. Дробницкий – интересный писатель именно потому, что он стремится к многообразному и уравновешенному описанию этической теории.

Марксистская этика видит основание морали в точке пресечения человеческой истории и общественной жизни. Таким образом, зарождается новый способ для обоснования морального выбора и теоретических понятий этики. Подразумевается то, что нормативная этика и обоснование человеческих ценностей, добродетелей и связывающих обязательств возможно. Этику можно вывести из истории развития общественных формаций. Человек – это социальное животное, жизнь которого требует морали, и поэтому этику мы находим в истории.

Весь историко-политический мир насквозь этичен, но именно поэтому опасность натуралистической ошибки нельзя избежать. Ценности и обязанности встраиваются в диалектические законы истории таким образом, что история не является лишь частью фактического мира. Диалектический процесс является прогрессивным и целенаправленным. История со своими процессами, целями и законами изначально моральна, поэтому из неё можно выводить ценности и нормы.

Похожей на взгляды Айраксинена кажется критика и Юсси Тенкку, он цитирует Олега Дробницкого, который определяет историко-материалистическую сущность морали: «Мораль – специфически *общественный* феномен, который развивается в ходе истории и который предопределяет совокупность *объективных* предпосылок общественной жизни, а именно социальных, по большей части человеческих (и прежде всего) производственных отношений всех классов, предыдущие шаги прогресса в общественной культуре и соответствующие каждому периоду истории общественные формации».

Илка Саломаянпя в своей кандидатской работе по художественной педагогике попробовала применить философию морали Дробницкого, так сказать, на практике. Её работа называлась «Изменения телевизионной морали в Финляндии». Саломаянпя пишет: «Исходя из Дробницкого, требование морали может быть совершенно противоположным окружающей действительности и означать изменение, которое не зарождается как результат однократного выполнения требования, а как результат исторического развития. В практической жизни требование морали является не целесообразным руководством, а требованием (Дробницкий, 1980. С. 376–377). Дробницкий замечает, что мораль функционирует как критическая сила, как запрос перемен в существующей действительности. В своих работах он критикует как «буржуазную», так и «советскую культуру». По мнению Дробницкого, определение не является только лишь подтверждением формальных признаков, а внешние предпосылки – которые одновременно функционируют как объективные, общественно-исторические предпосылки нравственности – являются значительными. Исходя из Дробницкого, основанием определения понятия морали должно быть более общее понятие морали, таким является **нормативная регуляция**, при проверке которой можно выявить общественно-исторические черты, присущие ей функции.

Общественно-нормативные регуляторы поведения по своей природе различны, и мораль отделяют от других форм регуляций [7. С. 32]. Саломаянпя в своей кандидатской диссертации использовала результаты качественного дискурсивного анализа авторских статей на основании нормативной регуляции. И, таким образом, мы можем более выпукло видеть изменение «телевизионной морали» в общем контексте морального *сознания*. Саломаянпя подчеркивает: «Такой исследовательский метод Дробницкий, возможно, бы не одобрил, так как он сам относился к анализу языка морали критически и не верил, что он мог бы содержать какой-либо культурно-исторический опыт, выражение общественных отношений» (см. [7. С. 183–184]). Дробницкий, по мнению Саломаянпя, боялся, что проблема *нравственности* будет ограничена *психологическими способами манипуляции* эмоциональной стороной человека и из морали получится доступный способ склонения человека к каким-либо мнениям и поступкам.

Этот запрос получен в основном на модели *идеальной* социальной науки, которая обеспечивает теоретическое понимание социального поведения человека, необходимое для трансформации общества по плану руководителей и должностных лиц с применением необходимых полномочий, замечает Саломаянпя.

Предмет *воспитания* сливается с *наукой этики*, с одной стороны, и с научной *педагогикой*, с другой, и представляет собой центральный практический интерес и цель обеих [8. С. 106]. По словам Ивина, одного из современников Дробницкого и первопроходцев в «новой» советской этике, «простой анализ логической структуры оценки может быть сделан с точки зрения четырех элементов: субъекта, который делает оценку, объекта, который оценивается, сравнительного или абсолютного характера оценки и базиса оценки». В качестве субъектов, способных делать оценки, Ивин упоминает индивидов и группы. Дробницкий как интересный вариант описывает моральные оцен-

ки, в частности, как принятые, в конечном счёте, от лица человечества как целого, таким образом, ссылаясь на их безличностный, универсальный характер [8. С. 116]. Результаты исследования этики должны обеспечивать людям те запросы, при которых нравственное сознание индивида формируется и, следовательно, влияет на развитие общественного сознания в целом.

По словам Дробницкого, анализ понятийного аппарата нравственности состоит из «попытки проникнуть во “внутреннюю лабораторию” моральных убеждений и чувств, понятий и проявления воли», которые действуют в соответствии со своими специфическими законами обыденного сознания индивидуально-нравственного агента. Целенаправленное вмешательство в эти сложные процессы в масштабе общества или в области индивидуального обучения немыслимо без теоретической схемы – концептуальной системы морального сознания, которое должно быть скорректировано и утверждено много раз [8. С. 105].

Из этого высказывания видно, что изучение функций морали было направлено на изменение *социальной действительности* – в этом и есть некая *специфика* советской этической мысли по отношению к «нейтральной» западной аналитической школе. Правда, надо заметить, что, хотя советская философия провозглашала себя отдельной от «западной», она основывала свои концепции зачастую на критике всё той же «западной» философии.

Литература

1. Дробницкий О. Г. Понятие морали. М., 1977. 333 с.
2. Апресян Р. Г. Идея морали и базовые нормативно-этические программы. М.: ИФРАН, 1995. 353 с.
3. Hare R. M. *Moral Thinking Its Levels, Methods and Point*. Oxford University Press, 1981. 242 p.
4. Гусейнов А. А. История этических учений. Философская этика: от этической автономии к институализации морали (XX в.). М.: Гардарики, 2003. 911 с.
5. Airaksinen Timo. *Moraalifilosofia*. Helsinki WSOY 3. painos, 1993. 252 S.
6. Tennku Jussi. Kantilainen Marx. Suomalainen Suom. S. 285–292. [Тенкку Юсси. Кантианский Маркс. Финская Финляндия. 1967. С. 285–292].
7. Salomäenpää Ilkka. *Televisiomoraalin muutos Suomessa – Analyysi Helsingin Sanomien Mielipidekirjoituksista 1970 – 2003*. Lisensiaattitutkimus. Jyväskylän yliopisto, 2010. 331 s [Саломяенпя Илкка. Изменение телевизионной морали в Финляндии – Анализ авторских статей 1970, 2003: Канд. дис. 2010. Университет Ювяскюля. 331 с.].
8. Grier Philip T. *Marxist Ethical Theory in The Soviet Union*. D. Reidel Publishing Company. London, 1978. 276 p.

Kurhinen Pavel Sankt-Petersburg State University (Sankt-Petersburg, Russian Federation)

FUNCTIONAL APPROACHMENT IN SOVIET ETHICS AND ITS ANALYSES BY WESTERN PHILOSOPHERS

Key words: functional approachment, social practice and moral education, prescriptivity

In our article we are trying to tell what is so called *Functional Approachment* in researching morality, why it was so important especially in soviet ethicists? At the same time the western philosophers as "neutral" for politics tried to research morality by braking phrases and sentences to simple moral statements, but was it really neutral? We discover why functional approachment could be probably current for now days for changing "social reality". In some sense it specifically belongs just to Soviet philosophy, because it wasn't neutral to politics it had some kind of political directedness, but at the same time it was directed to change reality for a better life, even especially succeed in it. So researching of function of morality, not content of, was inherent to Soviet philosophy. Revival of moral research in Soviet thought was difficult, because it tried to make own concept of "separate" philosophy,

which was different from so called *bourgeois* philosophy. The article also makes some parallels to universal prescriptivism of R.M. Hare and a soviet author Oleg Drobnicki which considers that they both tried in some sense to unify Kantian universalism and utilitarianism, and the both lately were accused of so called natural fallacy. Education of the soviet people was a main point for ethic as a *science*, and it was aimed to be adequate and objective, that was extremely difficult in the 60th of the last century in Soviets, but philosophical sophistication was growing up in the Soviets, so ethical thought was renewed from long oblivion impacted by cruel moralization of the communist party. Anyway, even renewed philosophy was a little bit eclectic, but it made huge progress in justification of the Soviet system and in making ethics real science, separated from moralizing philosophy. It was considered in making new educational process, in which a lot of individual qualities are not contradict society, especially in Drobnicki's so called *ethical conceptualism*, both societies values and individual are complementing each one. In some cases his philosophy is or was quite close to Ethical socialism in getting together neo - Kantian theory and Soviet Marxism. Attempted by Drobnicki's synthesis significantly weakened, at least at the level of theory, the thesis of the *class nature* of morality he has created a special concept of the concept of morality, not going, however, in its substantive component.

References

1. Drobniński O.G. Ponyatie morali [The notion of moral]. Moscow: Nauka Publ., 1977. 333 p.
2. Apresyan R.G. Ideya morali i bazovye normativno-eticheskie programmy [Idea of moral and basic regulatory ethic programs]. Moscow: Russian Academy of Sciences (RAS) Publ., 1995. 353 p.
3. Hare R.M. Moral Thinking Its Levels, Methods and Point. Oxford University Press, 1981. 242 p.
4. Guseynov A.A. Istoriya eticheskikh ucheniy. Filosofskaya etika: ot eticheskoy avtonomii k institutizatsii morali (XX v.) [History of ethic teachings. Philosophic ethic: from ethic autonomy to institutionalization of moral (20th century)]. Moscow: Gardariki Publ., 2003. 911 p.
5. Airaksinen T. Moraalifilosofia. Helsinki: WSOY Publ., 1993. 252 p.
6. Tennku J. Kantilainen Marx. Suomalainen Suom, pp. 285–292.
7. Salomäenpää I. Televisiomoraalin muutos Suomessa. Analyysi Helsingin Sanomien Mielipidekirjoituksista, 1970 – 2003. Can. Diss. University of Jyväskylä, 2010. 331 p.
8. Grier Philip T. Marxist Ethical Theory in the Soviet Union. London: D. Reidel Publishing Company, 1978. 276 p.